



*Памяти моей бабушки  
Рут Хант Редингер  
(1910–2011)*

Смертный страх важен не менее любви. Он пронзает нашу жизнь до глубин нутра — и так мы понимаем, кто мы есть. Попятышься, прикроешь глаза? Или тебе хватит сил шагнуть к обрыву и заглянуть в бездну? Хочешь ты знать, что там обитает, или и дальше жить в сумеречном самообмане, где нас заточил этот мир торгашей, где мы заперты, как слепые гусеницы в вечном коконе? Что ты сделаешь — зажмуришься, съежишься и умрешь? Или с боем пробьешься наружу и взлетишь?

*Станислас Кордова. «Роллинг Стоун»,  
29 декабря 1977 г.*

## ПРОЛОГ

### Нью-Йорк, 02:32

Как ни крути, у каждого из нас — своя история про Кордову.

Скажем, соседка нашла его фильм в коробке на чердаке и больше не заходила в темные комнаты одна. Или чей-то парень похвастался, что в интернете отыскал пиратские «Ночами все птицы черны», посмотрел и теперь не желает об этом говорить, словно это было чудовищное испытание, которое он едва пережил.

Можно относиться к Кордове как угодно — одержимо пересматривать, равнодушно пожимать плечами, — но он живет, чтобы мы были против. Он — разлом, черная дыра, невнятная угроза, беспощадная вспышка неведомого в нашем чересчур обнаженном мире. Скрывается в подполье, незримо шныряет по темным углам. Прячется под железнодорожным мостом в реке, где таятся все потерянные улики и ответы, которым не увидеть света дня.

Миф, монстр, смертный муж.

Но я все-таки верю, что Кордова, когда нужен позарез, умеет выйти навстречу, как загадочный гость, которого замечаешь через всю комнату на многолюдной вечеринке. Глазом не успеешь моргнуть, а он стоит *прямо перед тобой*, у чаши с пуншем, и смотрит, когда ты оборачиваешься и небрежно интересуешься, который час.

Моя история про Кордову во второй раз началась дождливой октябрьской ночью — я был один из многих, кто носится кругами, со всех ног мчится в никуда. В третьем часу я бегал вокруг водохранилища в Центральном парке — рискованная привычка, завелась у меня в последний год: я был так накручен, что не уснуть, меня по пятам преследовала инерция, и нечем было ее объяснить — разве только смутной догадкой, что

лучшие годы жизни позади и улетучились шансы, которые в юности я так естественно предвкушал.

Холодно было, я до нитки промок. Гравийную дорожку изрыли лужи, черную гладь водохранилища окутал туман. Он застревал в прибрежных камышах и стирал окраины парка, словно их нарисовали на бумаге и отодрали кромку. От величественных небоскребов Пятой авеню остались только редкие золотые огоньки, что горели во мраке, отражаясь в воде у берега, точно потускневшие монетки на дне. Под очередным чугунным фонарем моя тень рывком бросалась мимо меня, поспешно бледнела и отклеивалась, — наверное, ей духу не хватало остаться.

Заходя на шестой круг, я миновал Южный гидроузел,глянул через плечо и увидел чью-то фигуру.

Под фонарем стояла девушка — лицо в тени, алое пальто пропитано светом из-за спины, разрезает ночь мазком ярко-красного.

Девушка, здесь, одна? Совсем рехнулась?

Я развернулся, смутно досадуя на девчонкину наивность — или беспечность, или что уж там привело ее сюда. Женщины Манхэттена, конечно, роскошны, но порой забывают, что не *бессмертны*. Развеселыми пятничными вечерами рассыпаются по городу, точно конфетти, думать не думают, в какую *дыру* провалятся к субботе.

Дорожка вела на север, дождь колот лицо, кривым тоннелем нависали отяжелевшие ветви. По щиколотку забрызгавшись грязью, я обогнул ряды скамеек и дугу мостика.

Девушки как не бывало.

Но затем далеко впереди мелькнуло красное. Я еле рассмотрел — оно опять исчезло, — а вскоре различил темный худой силуэт: она медленно шагала впереди вдоль чугунных перил. Черные сапоги, темные волосы до лопаток. Я поднажал: обогнул ее под фонарем, пригляжусь, все ли с ней хорошо.

Но когда приблизился, отчетливо заподозрил, что хорошо *не все*.

Стук шагов — слишком тяжелы для этой худышки, и шла она одеревенело, словно поджидала меня. Мне вдруг почудилось, что, когда я ее нагоню и она обернется, лицо ее вовсе не будет молодо — лицо будет *старое*. Истраченное лицо старухи

вперится в меня запавшими глазами, рот — как рубец топора на древесном стволе.

Осталось всего несколько футов.

Она поднимет руку, сцапает меня за локоть, и хватка ее будет по-мужски сильна, *ледяна*...

Я пробежал мимо, но она не подняла головы, спряталась за волосами. Когда я снова обернулся, она уже выступила из-под фонаря в темноту — безликий силуэт, вырезанный из мрака, плечи очерчены красным.

Я побежал дальше, срезал по дорожке, что петляла меж густых кустов, и ветки хлестали меня по рукам. В следующий раз, когда нагоню, остановлюсь, скажу что-нибудь — посоветую домой идти.

Но я намотал еще круг, а ее не увидел. Оглядел склон холма над конными дорожками.

Ничего.

Я добежал до Северного гидроузла — каменное здание, для фонарей недосягаемое и облитое темнотой. Ничего не разглядишь, только узкие ступени под проржавевшими дверями, на дверях цепь с замком, рядом табличка: «НЕ ВХОДИТЬ! СОБСТВЕННОСТЬ НЬЮ-ЙОРКА».

Приблизившись и задрав голову, я вздрогнул: она была там, стояла на крыльце, сверху вниз смотрела на меня. Или сквозь меня?

Когда мозг переварил эту картину, я уже слепо промчался дальше. Но то, что я рассмотрел в эту долю секунды, снимком со вспышкой плыло перед глазами: спутанные волосы, кроваво-красное пальто во мраке запеклось бурым, лицо поглотила тень, — может, и лица-то никакого нет.

Мне явно *не стоило* пить четвертый скотч.

Было время, и *не очень* давно, когда я так запросто не пугался. «Скотт Макгрэт, журналист, который спустится в ад, лишь бы взять интервью у Люцифера», как однажды написал некий блогер. Я считал это комплиментом. Зэки, татуировавшие себе лица гуталином и собственной мочой, вооруженные подростки Вигарьо-Жерал на приходе, медельинские тяжеловесы, которые ежегодно мотаются отдохнуть в тюрьму на Рикерс-Айленд, — все это я созерцал не моргнув глазом. Просто декорации, пейзаж.



А теперь психую из-за женщины во тьме.

Наверняка пьяная. Или транков перебрала. Или, может, больные на голову отроки взяли ее на слабо, хулиганка с Верхнего Ист-Сайда надоумила. Если все это, конечно, не расчетливая подстава, а где-нибудь тут не притаился ее парень и вот-вот не напрыгнет, крысеныш помойный.

Если все задумано *так*, их ждет разочарование. Ничего ценного у меня с собой нет — только ключи, выкидной ножик и карточка на метро, где осталось баксов восемь.

Ладно, допустим, у меня черная полоса, невезуха — назовите как хотите. Не приходилось махаться... ну, *строго* говоря, с конца девяностых. Но не забудешь ведь, как драться за свою жизнь. И никогда не поздно вспомнить, если еще жив.

Ночь была неестественно тиха, *мертва*. И туман этот над водой — растекся, заполз меж деревьев, пожрал дорожку, как болезнь, метастазы, выхлоп здешнего воздуха.

Еще минута — и я снова подбегал к Северному гидроузлу. Просвистел мимо, думал, увижу ее на крыльце.

На крыльце пусто. Ее нигде нет.

Но чем дольше я бегал, чем дальше разворачивалась предомною дорожка — подземный ход в новое сумеречное измерение, — тем яснее понимал, что встреча наша оборвалась преждевременно, будто песню вырубili на окрыленной ноте, кинопроектор зафырчал и застыл, пары секунд не дожив до кульминационной сцены погони, и экран побелел. Никак не удавалось стряхнуть навязчивое подозрение, что девушка очень и очень *здесь*, прячется где-то, наблюдает за мной.

В сырой канве ароматов, меж запахов грязи и дождя, я, честное слово, уловил дуновение духов. Сощурившись, взгляделся в тени под холмом, ожидая вот-вот разглядеть ярко-красную рану, ее пальто. Может, сидит на скамейке, стоит на мостике. А вдруг она пришла наложить на себя руки? Вдруг она взобралась на перила, подождала, безысходно обратив ко мне лицо, и шагнула, кулем камней упала вниз, на далекую дорогу?

Может, я выпил пятый скотч и сам не заметил. Или этот клятый город все-таки меня *доконал*. Я спустился по ступеням, по Ист-драйв вышел на Пятую авеню, свернул на Восточную Восемьдесят шестую, и тут дождь обернулся ливнем. Я пробежал три квартала, мимо ресторанов за рольставнями, мимо

ослепительных вестибюлей, откуда порой выглядывали скучающие швейцары.

У входа на станцию «Лексингтон» я расслышал рокот надвигающегося поезда. Припустил по лестнице, махнул карточкой, миновал турникет. На платформе малоллюдно — пара юноцов да пожилая тетя с коричневым пакетом из «Блумингдейлз».

Поезд влетел на станцию, со скрежетом затормозил, и я вошел в пустой вагон.

«Экспресс номер четыре следует в Бруклин. Следующая остановка — „Пятьдесят девятая улица“».

Стряхивая воду, я выглянул на опустевшие скамьи, на размалеванную граффити афишу фантастического кино. Бегущего человека на афише ослепили, черным маркером выцарапали ему глаза.

Двери упруго затворились. Заскрипели тормоза, поезд двинулся прочь от платформы.

И тогда я заметил, как поодаль на платформу спускаются блестящие черные сапоги и что-то красное — красное пальто. Ниже, ниже, промокшие черные волосы чернилами обливают плечи — она, девушка с водохранилища, призрак, ну или кто она есть? Но не успел я сообразить, сколь это невозможно, не успел мой рассудок заорать: «Она идет за мной!» — поезд нырнул в тоннель, окна почернели, и в стекле мне осталось только мое отражение.



# НОЧНОЕ КИНО

**1** Большая люстра окатывала толпу золотым светом, а я разглядывал собрание в бронзовом зеркале над камином. Вздрогнул, заметив человека, которого едва узнал: себя. Синяя рубашка, спортивный пиджак, третий или четвертый стакан — я уже сбился; стену подпирает. Как будто не на коктейли пришел, а в аэропорт, ждет взлета своей жизни.

Рейс отложен навечно.

Всякий раз на этих благотворительных вечерах, осколках потеряннного брака, я не понимаю, зачем снова и снова прихожу.

Может, люблю смотреть в лица расстрельному взводу.

— Скотт Макгрэт, рад вас видеть!

«Увы, не могу ответить тем же», — подумал я.

— Над чем нынче работаете? Клевое что-нибудь?

Пресс качаю.

— Журналистику в Новой школе еще преподаете?

Порекомендовали взять академический отпуск. Иными словами? Сокращения.

— Я и не знал, что вы еще в городе.

Вот на это я отвечать не умею. А они что думали? Что меня сошлют на Святую Елену, как Наполеона после Ватерлоо?

Сюда меня привела подруга бывшей жены Синтии, некто Пташка. Забавно и лестно, что спустя много лет после того, как жена развелась со мной и уплыла в моря поголубее, ее подружки плотным косяком носятся вокруг меня, словно я интересные останки кораблекрушения, ищут, какой бы обломок стащить домой. Пташка — блондинка, за сорок — добрых два часа не отходила от меня ни на шаг. Изредка пожимала мне локоть — сигнализировала, что муж ее, какой-то инвестор (*инвентарный транзистор*), уехал из города, а троих детей пытается ня-

ня в Гуантанамо. Лишь призывы хозяйки, желавшей показать Пташке недавно отремонтированную кухню, отодрали от меня эту женщину.

— Никуда не уходи, — велела она.

Я поступил ровно *наоборот*. Эти останки всплывать не желают.

Я допил скотч и снова направился было к бару, но тут завибрировал «блэкберри».

Позади меня дверь — я выскользнул на площадку второго этажа. Прилетело СМС от моего старого адвоката Стю Лотона. С полгода не проявлялся.

Дочь Кордовы найдена мертвой. Позвони мне.

Я закрыл сообщение, погуглил «Кордову», полистал результаты.

И правда. И, черт бы его побрал, в статьях то и дело встречалось *мое* имя.

«Опозорившийся журналист Скотт Макгрэт...»

Едва этот свежачок облетит собрание, я окажусь в перекрестке прицелов, меня засыплют вопросами.

Я внезапно протрезвел. Скользнул через толпу, вниз по спиральной мраморной лестнице. Никто ни слова не сказал, когда я схватил куртку, миновал бронзовый бюст хозяйки (художник бесстыдно злоупотребил свободой творчества, изобразив ее копией Элизабет Тейлор), из парадных дверей, с крыльца таунхауса, на Восточную Девяносто четвертую улицу. Зашагал к Пятой авеню, вдыхая октябрьскую сырость. Кликнул такси, забрался внутрь.

— Перекресток Западной Четвертой и Перри.

Когда отъезжали, я опустил окно, и в животе все сжалось от осознания этой реальности: дочь Кордовы найдена мертвой. Что это я такое выдал бездумно в эфире общенационального телеканала?

«Кордова — хищник, из того же теста, что Мэнсон, Джим Джонс, полковник Курц. У меня есть источник — он годами работал на семью режиссера. Кордову кто-то должен попросту убрать».

Сие вдохновенное излияние стоило мне карьеры, репутации — не говоря уж о четверти миллиона долларов, — но отто-

го не было менее правдиво. Хотя, пожалуй, после Чарльза Мэнсона стоило замолчать.

Потеха, право слово: я тут как беглец — даже скорее, пожалуй, как радикал в розыске. Но нельзя не признать: самое это имя в прессе — Кордова — электризовало меня, как и шанс, что, может быть — ну ведь может быть? — снова настала пора бежать со всех ног.

**2** Через полчаса я вошел в свою квартиру в доме 30 по Перри-стрит.

— Я же говорила, что мне надо уйти в девять, — возвестил голос за моей спиной, едва я закрыл дверь. — Второй час ночи на дворе. Вы о чем думали?

Звали ее Джинни, но ни один мужчина в здравом рассудке грезить о ней бы не стал.

Дважды в месяц по выходным я официально виделся с пятiletней дочерью Самантой, а моя бывшая постановила, что я обязан опекать и няню: «Купи одну, получи вторую бесплатно» — распродажа до Самантиного восемнадцатилетия. К двадцати четырем годам Джинни окончила Йель и изучала педагогику в Коламбии; всякий раз, когда Сэм попадала под мою ненадежную опеку, няня откровенно наслаждалась властью теплохранильницы, личного сопровождающего и спецназовца-наемника. В этом раскладе я был нестабильным государством третьего мира, с коррумпированным правительством, некондиционной инфраструктурой, восстаниями мятежников и экономикой в свободном падении.

— Извини, — сказал я, бросив куртку на стул. — Не уследил за временем. А Сэм где?

— Спит.

— Ты нашла ее облачную пижаму?

— Нет. Мне надо было на семинар четыре часа назад!

— Я тебе заплачу вдвойне, наимеешь репетитора.

Я вынул бумажник, вручил Джинни долларов пятьсот, которые она быстренько зачихала в рюкзак, затем тщательно ее обогнул и зашагал по коридору.

— Ой, мистер Макгрэт. Синтия спрашивала, нельзя ли ей поменяться с вами на следующие выходные.

Я остановился у закрытой двери в конце коридора, обернулся:

— Зачем?

— Они с Брюсом едут в Санта-Барбару.

— Нет.

— Нет?

— У меня свои планы. Мы блюдем *расписание*.

— Но они уже обо всем договорились.

— Ничего, отменят.

Джинни собралась было возразить, но захлопнула рот, почувствовав (и вполне справедливо), что ступить на территорию между двумя людьми, некогда родными душами, но теперь даже не родней, — все равно что гулять по диким районам Пакистана.

— Синтия вам позвонит, — тихо отметила она.

— Спокойной ночи, Джинни.

Неопределенно вздохнув, она удалилась. Я вошел в кабинет, включил лампу на столе, толкнул дверь.

Санта-Барбара. Еще не хватало.

**З** Кабинет мой — тесный, запущенный, стены зеленые, сплошь картотеки, фотографии, журналы и груды книг.

На столе в рамочке — фотография Саманты, снято в день, когда она родилась, лицо древнее, эльфийское. На стене — киношный постер с учтивым, но утомленным Аленом Делоном в «Самурае». Подарок моего прежнего редактора в «Инсайdere». Сказал мне, что я ему напоминаю главного героя — одинокого французского киллера-экзистенциалиста, — и это был отнюдь не комплимент. У дальней стены, сувениром братства «Фи-Пси» Мичиганского университета, — бурый, продавленный кожаный диван (где я потерял невинность, а также набил на клавиатуре все свои лучшие статьи). Над диваном в рамках — обложки моих книг: «Государство МастерКард», «В погоне за капитаном Куком: пираты открытых морей», «Сырец: грязные тайны нефтяной индустрии», «Кокаиновые кар-



навалы». Поблекшие суперобложки — типичнейший конец девяностых. И копии самых знаменитых моих статей в «Эсквайре», «Тайме» и «Инсайдере»: «В поисках Эльдорадо», «Черно-снежный ад», «Выжить в сибирской тюрьме». Два гигантских окна против двери выходили на Перри-стрит и покоцанный тополь, хотя сейчас было темно и не видно.

Я подошел к книжному шкафу в углу — рядом мой портрет, кадр из прошлой жизни: я в Манаусе, в обнимку с *hecatao*, капитаном сухогруза. Бесит, до чего я счастливый и загорелый. Я налил себе скотча.

В 2007 году, в трехнедельной поездке по Шотландии, я купил шесть ящичков «Макаллана». В поездку я отправился, вняв вдохновенному совету психотерапевта доктора Уивера, когда Синтия оповестила меня, что вместе с моей девятимесячной дочерью уходит к Брюсу — венчурному инвестору, герою ее внезапного романа.

После пощечины, которую закатил мне Кордова своим иском о клевете, прошли считанные месяцы. Казалось бы, Синтия могла милосердно *дозировать* дурные вести: сказала бы мне сначала, что я слишком часто в отъезде, потом — что она мне изменяла, потом — что она по уши влюбилась и наконец — что оба они разводятся, потому что хотят быть вместе. Но нет, все произошло в один день: будто на тихий приморский городок, уже истерзанный голодом, обрушились цунами, сель, метеоритный дождь, а в довершение ко всему — небольшое нашествие инопланетян.

Впрочем, может, оно и к лучшему: уже в начале цепи катастроф нечего стало уничтожать.

В Шотландию я поехал, дабы перевернуть страницу, начать с чистого листа, познать свое наследие и тем самым *себя*, посетив места, где рождались и процветали четыре поколения Макгрэтов, крошечный городишко в Морее под названием Фогуотт. Уже по названию я должен был догадаться, что это вам не Бригадун. Спасибо, доктор Уивер, — с тем же успехом я мог выяснить, что предки мои произошли из палаты психопатов в Белвью. Фогуотт оказался стайкой белых домишек, что цеплялись за серый холм, точно редкие зубы за дряхлые десны. По улицам брели женщины с такими окаменелыми лицами, словно пережили чуму. Городские бары обросли молчаливыми крас-



норожими толстяками, точно волдырями. Я решил было, что жизнь налаживается, когда очутился в постели с симпатичной барменшей Мэйзи, но потом сообразил, что она, вполне вероятно, приходится мне дальней родней. Только подумаешь, что достиг дна, — ан нет, стоишь на очередном люке в подпол.

Я осушил стакан — и тотчас слегка ожил, — налил еще и направился к кладовке позади стола.

Дверь заклинило, и я насилу ее открыл, распахивая старые кроссовки и чертежи пляжного дома в Эмагэнсетте, который я подумывал купить Синтии в запоздалой попытке «наладить отношения». Брачный пластырь за миллион долларов — немудро, как ни посмотри. Я выудил то, что застряло в двери, — фото в рамке, я и Синтия, снимались, когда колесили по Бразилии на «дукати», искали нелегальные золотые рудники и были влюблены по уши — мысли не возникало, что в один прекрасный день это закончится. Блин, как же она была роскошна. Я отбросил фотографию, отпихнул груды «Нэшнл джиогрэфик» и узрел искомое — картонную коробку.

Выволок ее, взгромоздил на стол и сел в кресло созерцать.

Клейкая лента на коробке отставала.

*Кордова.*

Заняться им я решил случайно пять лет назад. Только вернулся после изнурительных полутора месяцев во Фритауне, в трущобах Сьерра-Леоне. Часа три ночи, сна ни в одном глазу, джетлаг, и тут я открываю статью про «Свет Эми» — некоммерческую контору, которая очищает интернет от «черных фильмов» Кордовы — скупает их и уничтожает. Основала контору мать девочки, жестоко убитой подражателем. Как и убийца из «Подожди меня здесь», Хью Тислтон похитил Эми на перекрестке, где та ждала, пока брат вернется из «7-Одиннадцать», отвез на заброшенную фабрику и пропустил через бумажный пресс.

«Цель организации — оградить наше юношество от Кордовы», — гласил их веб-сайт. Задача трогательна за решительной неосуществимостью: очищать интернет от Кордовы — все равно что морить насекомых на Амазонке. Однако я их порыва не разделял. Я журналист, свобода слова и выражения — краеугольные камни, принципы, до того глубоко укорененные в самом

фундаменте Америки, что сдай назад хоть на дюйм — и страна обрушится. И я жестко выступал против цензуры: повесить на Кордову ответственность за страшную смерть Эми Эндрюс — все равно что обвинить производителей говядины в гибели американцев от инфаркта. Душевного покоя ради кое-кто убеждает себя, что зло является в мир по ясным причинам, однако правда отнюдь не так проста.

До той ночи я думать не думал про Кордову, разве что с удовольствием смотрел (пугаясь) кое-какие ранние его фильмы. Размышления о мотивации режиссера-отшельника не входили в сферу моих профессиональных интересов и задач. Я выбирал сюжеты, где ставки высоки, где речь о жизни и смерти. В поисках нового предмета расследования сердце мое обращалось к наименее надежным из надежных случаев.

В ту ночь, неизвестно в какой момент и неизвестно каким образом, сердце мое устремилось к этому сюжету.

Может, потому, что за несколько месяцев до того родилась Сэм и я, внезапно оказавшись отцом, стал восприимчивее к идее защитить этот прекрасный чистый лист — любого ребенка защитить — от подрывных ужасов, кои воплощал Кордова. В общем, чем дальше я листал сотни записей в блогах про Кордову, фан-сайты и анонимные форумы, где немало постов писали дети каких-то лет девяти-десяти, тем отчетливее чуял: с Кордовой *что-то не так*.

Задним числом все это напоминает мне историю одного южноафриканского репортера-алкоголика, с которым я в 2003 году пересекся в «Хилтоне» в Найроби, когда работал над статьей о торговле слоновой костью. Он собирался в далекую деревню на юго-западе, у танзанийской границы, где вымирало племя таита; племя считалось *валаани* — проклятым, — поскольку ни одно дитя у них не выживало дольше одиннадцати дней. Мы встретились в отельном баре, пожалелись друг другу на то, что у обоих угнали тачки (чем и было удостоверено прозвище города *Найробин-гуд*), а потом он сказал, что подумывает пропустить утренний автобус и вообще плюнуть на статью, потому что с предыдущими тремя журналистами в деревне случилось много чего. Один свихнулся, бродил по улицам и бормотал какую-то чушь. Другой слинял и спустя неделю

повесился в гостиничном номере в Момбасе. Третий просто испарился, бросил семью и должность в итальянской газете «Коррьере делла Сера».

— Она заразная, — бубнил этот мужик. — История. Бывает такое.

Я усмехнулся, списав драматизм на побочные эффекты «Чивас Ригал», который мы всю ночь хлестали. Но он не унимался.

— Как *lintworm*. — Он сощурился мне в лицо, налитые кровью глаза искали понимания. — Ленточный червь, пожирает собственный хвост. Убивать бесполезно. У него нет конца. Обернется вокруг сердца, выжмет всю кровь. — Он поднял кулак. — *Dit suig jou droog*. Бывают такие истории, что лучше бежать, пока ноги есть.

Я так и не выяснил, доехал ли он до деревни.

«Дочь Кордовы найдена мертвой». Эта мысль вернула меня в настоящее; я открыл коробку, вынул пачку бумаг, приступил.

Сначала машинописный перечень всех актеров, работавших с Кордовой. Затем список мест, где проводились натурные съемки первого фильма, «Силуэты, омытые светом». Рецензия Полин Кейл на «Искажение»: «Деконструкция невинности». Марлоу Хьюз в постели — «Дитя любви», последний кадр. Машинописные расшифровки моих заметок из Каргаторп-Фоллз. Фотография ограды «Гребня», поместья Кордовы, — снимал я. Конспекты Вольфганга Бекмана — несколько лет назад он на кинофакультете Коламбии вел спецкурс по Кордове, но после трех лекций вынужден был прекратить: возмутились родители. («Некоторые аспекты Кордовы: сумеречно-живой и бесконечно страшный» — так лукаво назвал он свой курс.) DVD с документальным фильмом Пи-би-эс 2003 года о Кордове, «Темный страж». И наконец, расшифровка анонимного телефонного звонка.

«Джон». Таинственный абонент, моя погибель.

Я отложил в сторону три листа.

Всякий раз, перечитывая эту расшифровку, записанную сразу после разговора, я искал и не мог найти тот момент, когда потерял голову. Что побудило меня плюнуть на двадцать лет опыта и, не прошло и двадцати четырех часов, *кувырнуться под уклон* в прямом телеэфире?



**Расшифровка телефонного разговора — аноним, «Джон»**

С. Макгрэт, 11 мая 2006 г., 11:06—11:11

**СМ:** Добрый день.

**Аноним:** Это Скотт Макгрэт? Журналист?

**СМ:** Да. С кем я говорю?

*Прямо не отвечает. Голос пожилой [за шестьдесят, за семьдесят.]*

**Аноним:** Говорят, вы расследуете Кордову.

**СМ:** Кто говорит?

**Аноним:** Ходят слухи.

**СМ:** Вы его друг?

*Нет ответа. Похоже, нервничает.*

**Аноним:** Я не хочу, чтобы звонок записывался.

**СМ:** Он не записывается. Как вас зовут?

**Аноним:** Джон.

*Имя вымышленное. Велик соблазн включить диктофон в телефоне — необходимая предосторожность, — но когда вставляешь джек TP-7, слышен щелчок. Не хотелось бы отпугнуть.*

**СМ:** Какое отношение вы имеете к Кордове?

**Аноним:** Я его возил. → ~~\_\_\_\_\_~~

**СМ:** Вы были его шофером?

**Аноним:** Можно и так сказать.

**СМ:** Где?

**Аноним:** На севере.

*На севере штата Нью-Йорк. «Джон» странно дышит — жалеет, что позвонил.*

**СМ:** Вы тут?

**Аноним:** Извините. Уже не знаю, стоило ли затеваться.

**СМ:** Не торопитесь. Как вы поступили к нему на работу?

**Аноним:** Я не хочу вопросов.

**СМ:** Вы же сами мне позвонили, Джон. А нам не проще встретиться?

**Аноним:** Нет.

*Тридцатисекундная пауза.*

**Аноним:** Обычно я возил в город женщину, мексиканку, которая у него работает. А раз вечером он позвонил и спросил, не отвезу ли я его.

**СМ:** Вы живете поблизости от его поместья? В Каргаторп-Фоллз?

**Аноним:** Я не хочу это говорить. ?

*Я кое-что записываю.*

**Аноним:** Попросил забрать его среди ночи. В 3 часа. Велел медленно подъехать к дому, фары не включать. Мне показалось, он не хочет никого будить. Я приехал, он ждал на крыльце.

**СМ:** Один?

**Аноним:** Да. Сел в машину. Назад.

*Пауза.*

**СМ:** Куда вы его отвезли?

**Аноним:** В начальную школу.

**СМ:** В начальную школу.

**Аноним:** Да.

**СМ:** Какую?

**Аноним:** Без подробностей.

**СМ:** Ладно. Я слушаю.

**Аноним:** Он попросил завезти его на стоянку, выключить мотор и ждать. Я видел, как он по газону пошел на детскую площадку. Постоял там, совсем не шевелился. Потом обошел веревочные качели. Толкнул их, и они закачались — пустые. Обошел другие качели, доска такая горизонтальная, их толкнул, они закачались вверх-вниз. Потом пошел и сел в песочнице.

**СМ:** Сел в песочнице?

**Аноним:** Я не видел, что он там делает. Но странное что-то, понимаете?

**СМ:** А что он делал?

**Аноним:** Я сначала испугался, что у него там сексуальные штуки какие-то. Но похоже было, как будто он копает.

**СМ:** Копает?

**Аноним:** Похоже было. Когда вернулся в машину, что-то прятал под пальто.

- СМ:** Что он прятал?
- Аноним:** Я не видел. Отвез его домой.
- СМ:** Он сказал что-нибудь?
- Аноним:** Нет. Но через несколько недель опять позвонил, попросил то же самое.
- СМ:** Отвезти его в начальную школу?
- Аноним:** Только в другую уже. Пошел через стадион. Залез на трибуны, поискал там. Когда вернулся, под пальто опять что-то прятал. Я его привез домой, он стал вылезать из машины, и я увидел.
- СМ:** Что это было?

*Долгая пауза.*

?

- Аноним:** Детская спортивная форма. Желтая маечка. Синие шортики. Мне аж дурно сделалось. Спросил, зачем ему. А он только посмотрел на меня из-за очков этих своих, взглядом как будто просверлил. И вылез из машины. Назавтра позвонила мексиканка. Мои услуги больше не требуются. Но я точно знаю, что он кого-то нанял по ночам его возить. Молодого парня. Платил ему кучу денег. Годами.
- СМ:** Почему?
- Аноним:** Он что-то делает с детьми. ✱
- СМ:** Что?

*Пауза.*

- СМ:** Как? Бьет, убивает?

*Нет ответа.*

- СМ:** Кто еще об этом знает?

*Нет ответа. Он ускользает от меня.*

- СМ:** Что-нибудь еще можете рассказать? Джон?

*Не откликается.*

- СМ:** Вам нечего бояться.

*Отбой.*



4 «Он что-то делает с детьми».  
По сей день слышу этот перепуганный стариковский голос в трубке.

О своем интервью в «Найтлайн» я помню немного — помню, что говорил в основном сам. На эфир пришел обсудить тюремную реформу. К немалому восторгу ведущего, *сильно* удалился от темы, упомянул Кордову. Когда закруглились, я, не подозревая, какая буря дерьма вот-вот разразится, был доволен — так бывает, лишь когда наконец удается все сказать как есть.

Затем начались звонки: сначала мой агент поинтересовался, что я курил, затем мой адвокат сообщил, что ему позвонила крупная шишка из Эй-би-си.

— Ты заказал Станисласа Кордову.

— Что? Да *нет* же...

— Мне только что пришел факс с расшифровкой. Вот я читаю: ты перебил Мартина Башира и объявил, что Кордову надо «попросту убрать».

— Я *иронизировал*.

— Телевидение не знает такого слова, Скотт.

Надо ли говорить, что «Джон» мне больше не звонил. Исчез.

Адвокаты Кордовы заявили, что я не просто поставил под угрозу жизнь их клиента и его семьи — я к тому же сам сфабриковал анонимный телефонный звонок: пошел к таксофону в квартале от своего дома и позвонил *сам себе*, чтобы о липовом звонке осталась запись.

Над этим абсурдным обвинением я ржал — а потом подавился своим смехом, сообразив, что доказать обратное не в состоянии. Даже мой адвокат не говорил прямо, верит он мне или нет. Выдвинул гипотезу, что «Джон» был настоящий, но его отпугнула моя «выходка».

Выбора не было, пришлось договариваться, признать вину не в «настоящем злом умысле», но в «пренебрежении истиной по неосторожности». За ущерб я уплатил представителям Кордовы 250 000 долларов — добрую долю того, что откладывал с гонораров за книги и статьи, строя карьеру на бескомпромиссной честности, от которой ныне остались одни клочки. Меня уволили из «Инсайдера», мою колонку в «Тайме» закрыли. Я предварительно говорил с Си-эн-эн — планировал вести еженедельную программу новостных расследований. Теперь одна мысль об этом была смехотворна.

«Макгрэт — как прославленный спортивный рекордсмен, пойманный на допинге, — провозгласил Вулф Блитцер. — Те-

## СОДЕРЖАНИЕ

НОЧНОЕ КИНО. <i>Роман</i>	
<i>Перевод А. Грызуновой</i> .....	5
«Ночное кино»: интерактив .....	617
Благодарности .....	618
Иллюстрации .....	621
Примечания. <i>А. Грызунова</i> .....	623

Литературно-художественное издание

МАРИША ПЕССЛ  
НОЧНОЕ КИНО

Редактор Александр Гузман  
Художественный редактор Вадим Пожидаев  
Технический редактор Татьяна Раткевич  
Корректоры Елена Терскова, Валентина Гончар, Ксения Казак

Подписано в печать 03.07.2018. Формат издания 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»  
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
в Санкт-Петербурге  
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».  
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: [sales@atticus-group.ru](mailto:sales@atticus-group.ru); [info@azbooka-m.ru](mailto:info@azbooka-m.ru)

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: [trade@azbooka.spb.ru](mailto:trade@azbooka.spb.ru)

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: [sale@machaon.kiev.ua](mailto:sale@machaon.kiev.ua)

Информация о новинках и планах  
на сайтах: [www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru), [www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru)

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества  
размещена по адресу: [www.azbooka.ru/new\\_authors/](http://www.azbooka.ru/new_authors/)



Y-BRM-15967-05-R